
КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОВОЛЖСКИХ ЭТНОСОВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Исхакова Н.Е.

Национальные и этнические проблемы являются одними из наиболее острых и болезненных в современном мире в связи с нарастающей тенденцией унификации духовной и материальной культуры как следствие процесса глобализации. В результате, в конце XX века человечество столкнулось с проблемой актуализации национальных, культурных, гендерных, религиозных различий. Несмотря на мощные интегративные тенденции, универсализм не вытесняет партикуляризма, а лишь дополняет его. Таким образом, для современного человечества особую значимость приобрела проблема сочетания универсальных принципов и ценностей с позитивным отношением к различиям, в том числе, этноконфессиональным.

В странах бывшего СССР, собственно в России произошла ломка привычной системы ценностей, а процесс складывания новых норм, поиск основополагающего стержня привёл к появлению у большей части населения чувства некоторой неполноценности, неопределённости, психологического дискомфорта, незащищённости, отсутствует уверенность в завтрашнем дне, что, в свою очередь, порождает тягу к конформизму, желание вновь обрести устойчивую социально–культурную/религиозную идентичность и, соответственно, психологический комфорт. Согласно современной теории аффилиации, каждому человеку в той или иной степени присуща потребность принадлежности к группе. Для большинства людей в неустойчивой ситуации переходного общества семейная и этническая принадлежность становится

наиболее приемлемым способом вновь ощутить себя частью некоего целого, найти психологическую поддержку в традиции. Отсюда — повышенное внимание к этнической идентификации, потребность консолидации этнической общности, попытки выработки интегрирующего национального идеала в новых социальных условиях, «охранение» и обособление своей национальной мифологии, культуры, истории от «других».

Среди основных моментов, прямо или косвенно влияющих на состояние межэтнических отношений в республике Татарстан, главную опасность представляет, с одной стороны, недовольство части русскоязычного населения явным преобладанием татар в политическом руководстве республики, с другой — недовольство части татар недостаточными действиями органов власти в деле превращения татарского языка в реально функционирующий второй государственный язык в республике. О наличии и значимости этих проблем свидетельствуют исследования социологов, материалы СМИ, дискуссии в Госсовете, заявления представителей политических организаций и движений¹.

Каковы же исторические корни противоречий в социальной, этнической и конфессиональной сферах, приобретшие в данный момент такую острую значимость и, соответственно, необходимость изучения? После присоединения к Русскому государству Казанского ханства, татары жили и развивались в составе Российской империи. Как известно, сразу после завоевания, с целью скорейшей интеграции в Московское государство, шла политика христианизации и русификации народов Среднего Поволжья, в первую очередь относительно татар, как более стойких в своей мусульманской вере². Начавшаяся с Петра I новая волна христианизации вызвала ряд восстаний с активным участием татар при поддержке большей части мусульманского духовенства. Выступая в Сенате в ноябре 1713 года Пётр заявил, что если татарские мурзы хотят сохранить свои владения, то они должны обратиться в христианскую веру, и давал на то срок в шесть месяцев. В то же время законы от 1 сентября 1720 года и 23 августа 1721 года давали новообращённым в хри-

стианство значительные привилегии (например, освобождение от налогов на четыре года, освобождение от рекрутчины). Постепенно в татарском социуме, в связи с отсутствием носителя идеи татарской государственности и преобладанием традиционных локальных сельских общин, появляется и закрепляется видение русских как колонизаторов и преследователей мусульман, что привело к консолидации общины по религиозному признаку³. Во времена правления Екатерины II произошла легитимизация института мусульманского духовенства, было дано разрешение на строительство мечетей и школ, религиозные преследования и притеснения прекратились, что положительно сказалось и на взаимоотношениях «татары/русские» и «татары/государство». Так же трудно переоценить значение принятого в 1773 году Святейшим Синодом вердикта, провозглашавшем терпимость официальной РПЦ ко всем другим традиционным для России верованиям и свободу отправления всех религиозных культов. Сама Екатерина II наставляла оренбургского губернатора Игельстрема: «Не обижайте их (мусульман — *Н. И.*), не давите на них», считая, что татары могут оказаться полезными в деле привлечения симпатий соседних мусульманских народов к Российской империи и налаживании связей с ними. Однако, в последующие царствования, отношение к татарам несколько изменилось, политика стала более жёсткой.

В целом, Поволжье, в отношении этнического и конфессионального разнообразия, самобытности истории, представляет собой уникальный регион. Казанская губерния являла собой один из нескольких полиэтнических регионов огромной Российской империи, поэтому вопросы образования здесь тесно переплетались с этноконфессиональной политикой. Учитывая, что ислам получил здесь своё распространение ещё в X веке и стал частью духовной культуры и самосознания татарского народа, активная русификаторская политика, проводимая в крае, вызывала неприятие и ненависть, что не снималось даже тем, что Казанский край органично вошёл в хозяйственно-экономическую и духовную жизнь страны, а в пореформенный период стал

одним из ведущих экономических и культурных регионов⁴. Зарождающаяся татарская национальная буржуазия начинает занимать видное место в политическом спектре страны, а вопросы просвещения и образования стали для неё актуальными и значимыми. Вместе с тем, следует учитывать и то обстоятельство, что в Петербурге в правительственных и министерских кругах очень плохо представляли себе реальное состояние мусульманского общества и поэтому предлагаемые столичными деятелями из Министерства народного просвещения проекты были умозрительны и не соответствовали реальному положению дел⁵. Реализация потребностей появляющегося слоя татарской интеллигенции была также затруднена: например, вплоть до 1905 г. царской бюрократией отклонялись многочисленные попытки создания периодической печати на татарском языке.

Несмотря на все перипетии этноисторических путей развития народов Поволжья и Приуралья, конфессиональную принадлежность христиан, мусульман и язычников, к концу XIX века они представляли собой определённую культурно–историческую метаобщность, демонстрируя родство и параллели с общероссийскими процессами. Это было время зарождения национального сознания народов, появления их интеллигенции, а значит, и определённых подвижек в правовом сознании. Наиболее интенсивно складывание правового сознания происходило у татар, поскольку предполагало обращение к традициям государственности и религии и уже поэтому включало в себя складывание основ гражданского общества. Однако этот процесс обладал рядом особенностей, без которых не понять последующих путей исторического развития России. В данный момент важным условием становления и функционирования гражданского общества является демократизация всех сфер жизни, политический и идейный плюрализм. Сложные и подчас болезненные политические, экономические, идеологические изменения в нашей стране привели к укреплению позиций ислама не только в духовной сфере, но и в общественно–политической жизни Татарстана. Если в советское время

радиус воздействия ислама, как и других конфессий, был резко ограничен, то сегодня он имеет весьма широкий диапазон действий. Кроме того, что ислам обслуживает духовно–культурные потребности значительной части населения, сегодня усиливается его политическая значимость. Исламские лозунги используются всеми организациями татарского национального движения, а ислам рассматривается как фактор возрождения и сохранения национальной культуры и самобытности татарского народа, его консолидации⁶.

Хотя религия отделена от государства, мусульманские духовные лидеры стремятся найти поддержку у властей, полагая, что ислам должен стать неотъемлемой частью государственности в Татарстане. В этом плане примечательным является предложение председателя Центра Исламской культуры «Иман» Валиуллы Якубова Президенту РТ М.Ш. Шаймиеву «выполнять и функции духовного главы мусульман».

Отсутствие специальных исследований, как считает Л.В. Сагитова⁷, по межнациональным отношениям русских и татар в бытовой плоскости на историческом материале не позволяет выявить установки и этнические стереотипы, действовавшие в этой сфере жизни. В целом, можно сказать, что отрицательные этнические установки и стереотипы татар по отношению к русским были обусловлены главным образом политикой Российского государства и произволом местной бюрократии. На бытовом уровне не было такого антагонизма, что подтверждается фактами объединения русских и татар на основе общности интересов различных социальных групп в противостоянии государству и бюрократии на различных этапах сосуществования.

В конце 1980 — начале 1990-х годов, а особенно в период конфронтации республики и федерального центра было много выступлений, публикаций, в которых затрагивалась тема взаимоотношений Татарстана и России, татар и русских. Россию обвиняли в унитаризме, ущемлении суверенных прав нерусских народов. Доминировал мотив «жертвы» при оценке социально–экономического положения республики и в оценках исторического прошлого.

Надо сказать, что даже в последние годы (по прошествии почти пятисот лет!) в среде татарской творческой и гуманитарной интеллигенции есть люди, приписывающие русским «историческую вину» за колонизацию Казанского ханства и потерю *предками* современных татар государственности⁸. Однако, как показывает опыт, взаимные обвинения чаще приводят не к взаимному согласию, а к противостоянию. Даже материалы массовых опросов свидетельствуют о значительной близости оценок и самооценок как татар, так и русских, а так же о достаточно позитивном образе своих иноэтнических соседей⁹, что в решающей степени влияет на хорошее состояние межэтнические отношений в Татарстане и фактическое отсутствие антагонизма в профессиональной сфере.

Изучая состояние этнической идентичности у народов Татарстана, многие исследователи отмечают, что её проявление ситуативно; в нейтральной ситуации национальность обычно не имеет значения, поскольку, как выяснилось, люди, по большей части, склонны идентифицировать себя по общественным или семейным признакам, указывают пол, социальный статус. Однако, когда заданный вопрос требует соотнесения себя с национальностью, в этом случае проявляется этническое самосознание, причем, у татар это выражается в увеличении количества позитивных оценок, (гордость за свой народ, сопереживание ему), а у русских, хотя оценки мало изменились, наряду с чувством сопереживания за свой народ, появляется чувство обиды за него. Что касается отношения основных этнических групп к общероссийскому и республиканскому гражданству, то татары в большей степени чувствуют себя гражданами Татарстана, однако значительная часть и татар, и русских ощущает себя гражданами и Татарстана, и России¹⁰. Всё это в целом свидетельствует о том, что этнический компонент будет играть в РТ значительную роль ещё долгое время.

Общественная жизнь в Татарстане находится под влиянием идеологии, проводимой так называемой партией власти — собственно представителями государственной власти (Шаймиев и его окружение) — и, частично, идеоло-

гии оппозиции, выработанной лидерами татарского национального движения (ВТОЦ — центристы и радикальным (Иттифак, Милли Меджлис и др.)). Отметим, не без оснований можно полагать, что последние подконтрольны партии власти. Планируемая национальным движением политика этнокультурного татарского возрождения в Татарстане так или иначе не могла не затрагивать интересы всего населения республики. В частности, превращение татарского языка в государственный делало обязательным овладение им для занятия государственной должности, на что прямо указывали радикалы национального движения после принятия Декларации о суверенитете Татарстана.

Сословный строй полиэтнического и поликонфессионального государства, каким являлась Российская империя на протяжении всей её истории, можно рассматривать как один из факторов национального строительства и интеграции. Социальные элиты нерусских этносов, включенных в ходе колонизации в состав империи до начала XIX века, становились, как правило, частью российского дворянства и подвергались аккультурации. Сложнее обстояло дело с другими категориями населения «новых» земель (крестьяне, горожане, кочевые скотоводы, охотники и др.), культурная и социально-правовая автономность которых сохранялась на протяжении долгого времени. Причинами этого могли быть хозяйственно-экономические различия, более высокий уровень культурного традиционализма и относительная гомогенность культуры и быта у представителей низших слоев различных этносов, открытое сопротивление христианизации/русификации. Не менее важными факторами длительного сохранения социальной дезинтегрированности являлись отсутствие последовательной ассимиляционной политики, а также прагматические соображения имперской власти, учитывавшие нормальное функционирование систем налогообложения, рекрутчины, социальной помощи и контроля населения. «По сути, — пишет немецкий историк А. Каппелер, — царская империя вплоть до её падения была устроена сословно и протонационально. Если её подданные оставались лояльными и вы-

полняли свои повинности по отношению к властителю и его династии, то их оставляли в покое. Религиозная или языковая унификация не являлась перво-степенной целью политики. В течение долгого периода времени власть привилегировала группы нерусского населения, даже в ущерб массы русских подданных, для того, чтобы упрочить их лояльность». Попытки автократии провести радикально русификацию и христианизацию народов колонизированных территорий были частично успешными, частично же, как это было, к примеру, на Средней Волге, Урале и Кавказе, наталкивались на активное сопротивление, не принося в итоге ожидаемых результатов. Насильственная христианизация и русификация с одной стороны и миссионерство с другой неоднократно сменяли друг друга. Но даже более осторожная и поначалу результативная миссионерско–просветительская политика в империи во второй половине XIX века способствовала, в конечном счёте, эмансипации нерусских народов. Прямое и насильственное вмешательство автократии в культурную сферу нерусских народов (религия, быт, язык и обычаи) приносило, таким образом, прямо противоположные результаты. Наряду с перечисленными, существовали и иные пути, по которым интеграционные процессы между русским и нерусскими народами протекали с большим успехом и без видимого насилия. Речь здесь идёт о сословном строе и сословных реформах царского правительства во второй половине XIX века, на которые уже обращалось внимание исследователей в связи с изучением национальностей и национального движения в Российской империи. Процессы в татарской среде в первой половине XIX века можно отнести к начальной фазе национальной эмансипации, они явились непосредственным результатом сословной и этнокультурной автономии предшествующего периода¹¹, когда татары весьма результативно использовали те благоприятные административно–правовые условия, которые установились в конце восемнадцатого — начале девятнадцатого столетия. Возрождение ислама и перемены в экономической и социальной жизни вызвали мощное просветительское движение среди татар. Постепенно в татарском просвещении выделились два относительно са-

мостоятельных направления: религиозное и светское. Главным из них на всём протяжении девятнадцатого века оставалось религиозное образование. Роль ислама в социокультурной и духовной жизни татарского общества непрерывно возрастала. Были построены сотни мечетей и школы при них. Довольно широко распространялась религиозная каноническая и учебная литература. Вместе с тем внутри религиозного направления возникли серьёзные проблемы. Некоторые имамы (Утыз-Имяни, аль-Курсави, Марджани), получившие образование в ведущих исламских научно-учебных центрах того времени (Бухара, Самарканд), стали выражать критические мысли относительно состояния как исламского учения, так и исламского образования, но встретили сопротивление со стороны местного духовенства. Правительство же Екатерины II нуждалось не только в имамах, лояльных к России и готовых проводить интересы империи на её юго-восточных границах, но и в образованных, светских людях из местного населения, которые могли бы выполнять различные функции государственного управления, влиться в ряды быстро растущего российского чиновничества: так с 1769 года при Казанской гимназии была открыта татарская группа; в 1804 году был открыт Казанский университет; в первой половине девятнадцатого века в местах компактного проживания татарского населения так же делались шаги к открытию начальных и средних учебных заведений светского характера, с обучением детей татар русскому языку. Подобным мерам часто противодействовало местное духовенство¹².

В царствование Николая I вновь усиливается миссионерская деятельность РПЦ среди инородцев, в том числе и татар. В это время большое внимание уделяется использованию национальных языков в этих школах, христианские религиозные тексты переводятся на татарские язык. Как и прежде, другим средством обращения татар в христианство оставалось материальное вознаграждение. Решением Сената от 25 июля 1849 года инородцам, обращённым в православие, давались привилегии: пожизненное освобождение от уплаты подушной подати, освобождение от всех других налогов на шесть лет

и денежное вознаграждение от 15 до 30 рублей серебром на человека, плюс 30 рублей на семью. В том же году постановлением Государственного совета были ограничены права Духовного управления мусульман в назначении имамов и контроле за их деятельностью, и, соответственно, усиливались контрольно–распорядительные функции органов царской администрации; а для ограждения крещёных татар от нежелательного влияния односельчан–мусульман, первых было приказано переселить в деревни с русскими православными жителями, что создавало дополнительные бытовые и психологические трудности для переселяемых. В 1854 году с целью усиления антимусульманской пропаганды в Казанской Духовной Академии было открыто антимусульманское отделение. Однако указанные меры, предпринятые властями и православной церковью, не дали, как предполагалось, больших результатов. Число отпавших от православия только увеличилось. Таким образом, первая половина XIX столетия не была успешной в области русификации и христианизации инородческого населения Поволжья.

В середине и второй половине XIX века в экономическом укладе России происходили глубокие перемены. В 1830–1840-е годы начался промышленный переворот, в 1860–1870-е годы проведена целая серия социально–экономических реформ, а в 1861 году было отменено крепостное право. Всё это открыло широкий простор для формирования новых, капиталистических отношений как в городе, так и в деревне, способствовало значительному ускорению социально–экономического развития региона и страны в целом. Татарское население России, разумеется, не осталось вне этих процессов, имеющих как положительные, так и отрицательные стороны. В связи с малоземельем на селе большое развитие получило отходничество. Многие молодые люди в поисках заработка уходили в города, нанимались там к богатым купцам, заводчикам в качестве чернорабочих, грузчиков, дворников и проч. Масштабы отходничества были в Казанской губернии весьма велики¹³. Однако параллельно с обнищанием села в пореформенное время укрепляла свои позиции национальная буржуазия¹⁴; также ускорился процесс формирования

национальной интеллигенции: общая численность лиц, занятых умственным трудом, у татар и башкир составляла порядка десяти тысяч человек¹⁵. Следует сказать, что процесс урбанизации среди татар и башкир протекал гораздо медленнее, чем в Европейской части России в целом (13,4 процента горожан), но быстрее, чем у другого инородческого населения. Абсолютное большинство татар продолжало жить в деревне и заниматься сельским хозяйством¹⁶. Татарское население уступало также русскому по таким социальным показателям, как доля дворян, почётных граждан, купцов. Это свидетельствует о том, что в социально-экономическом развитии татары отставали от русских и некоторых других народов Российской империи.

Важными особенностями социальной структуры татар в конце девятнадцатого века являлись: 1. Проживание подавляющего большинства татар-крестьян в чисто татарских населённых пунктах; 2. Ограничение контактов татарских сельских обществ с внешним миром; 3. Сохранение сильных мусульманских традиций и роли ислама как гаранта культурной и этнической идентичности татар. Всё это предотвращало культурную ассимиляцию и русификацию татар в отличие от языческих и христианизированных народов Поволжья и Приуралья. Своеобразная замкнутость татарского населения при наличии такого сильного объединяющего фактора как ислам, не давало татарам ассимилироваться. Что касается социокультурных аспектов указанного процесса, то им хотелось бы уделить отдельное внимание. В конце XIX века особенно глубокие изменения происходили именно в национальном самосознании, исламском просвещении и образовании. Во всех этих сферах наблюдались обновленческие процессы. Главным оплотом косности, фанатизма на тот момент являлось мусульманское духовенство, поэтому борьба мнений, подходов, ценностей развивалась на базе ислама. Несмотря на то, что число школ постоянно возрастало, они по большей части давали образование религиозное и представляли собой одноклассные школы без учебных планов и программ, где изучались основные положения Корана, преподавались азы арабской письменности. А по сему — во второй половине XIX века встала

необходимость реформирования национальной школы. Возглавили борьбу за преобразования сторонники новых форм и методов, представленные как передовыми имамами, так и светскими людьми. Сторонников «нового метода» (по-арабски «ысул-алджадид») называли джадидистами (например, И. Гаспринский, Терегулов и др.), приверженцев старой мусульманской школы — кадимистами. Реформе мусульманской школы способствовали такие факторы, как подготовка педагогических кадров и издание новых учебников. Старометодные же школы содержались исключительно на средства мусульманской общины, не получая от государства никаких средств, избегая, тем самым, административного контроля и вмешательства. В них не изучался русский язык, значение которого, как языка общегосударственного, средства межнационального общения, постоянно возрастало, что сильно ограничивало социокультурные функции мусульманских школ. Поэтому во второй половине XIX века среди татар в качестве альтернативы получает развитие и русско-татарская школа, большой вклад в развитие коей внёс Н. И. Ильминский. Эти школы отвечали объективным потребностям времени, способствовали процессу этнокультурного развития татарской нации.

В начале XX века Российская империя вступила в полосу острого системного кризиса и политических потрясений. Важным элементом этого кризиса явилось обострение национального вопроса. По переписи населения 1897 года на территории империи проживали представители более чем ста национальностей, а в общем нерусское население составляло 57 процентов. В условиях, когда многие из этих народов консолидировались в нации, дальнейшее игнорирование властями национального вопроса, сохранение прежнего положения коренных российских народов в государстве воспринималось как анахронизм, вызывало общественное недовольство и политическую напряжённость. В национальных районах империи развернулось мощное движение за национальное и религиозное равноправие. Длительное время, вплоть до начала XX века, российские татары стояли как бы в стороне от политической жизни общества, не принимали участие в идейно-политической

жизни. Передовые представители татарского этноса в этот момент решали преимущественно этносоциальные и этнокультурные вопросы, такие как роль ислама в духовном и культурном возрождении народа, пути реформирования национальной школы и т. п. Однако в среде молодой татарской интеллигенции постепенно просыпается интерес и к вопросам общеполитическим¹⁷; в Казанской губернии начинают появляться произведения политической направленности, делавшие первые попытки рассмотреть мусульманский, татарский вопрос в России с политических позиций¹⁸. Параллельно начинает формироваться татарское национальное движение, которое развивается по трём основным направлениям российской общественно-политической мысли (охранительное, либеральное и революционное). Определённая часть духовенства кадимистского толка, часть дворянства, привилегированное чиновничество поддерживали политику правительства, направленную на сохранение сословных привилегий и всего существующего самодержавно-бюрократического строя, однако проповедуемая правительством теория «официальной народности» не могла привлечь симпатии широких масс населения империи, в том числе и татар. Выбор же между буржуазно-либеральным и революционным течениями сопровождался различными противоречиями, колебаниями как на групповом, так и на личностном уровне. В этот период также начинает формироваться и получает своё распространение социалистическое течение, ориентированное больше на рабочее движение, а с 1890-х годов появляется ряд кружков и союзов. Татары, как и всё население многонациональной России, не остались в стороне и от революционных событий 1905–1907 годов. Поволжье и Приуралье, где проживала основная часть татарского населения, стали одним из крупных центров революции. Наиболее активное участие в революционных событиях принимали рабочие крупных промышленных городов региона (Казани, Самары, Саратова); крестьяне также вступают в борьбу за землю¹⁹. В целом революция способствовала быстрому росту политического сознания татар, осознанию ими своих социальных и национальных интересов и потребностей. В августе

1905 года состоялся Первый мусульманский съезд, делегаты которого выразили желание сотрудничать с прогрессивной частью русского народа в деле утверждения в стране правового порядка, основанного на принципе привлечения выборных представителей народа к разработке законов и управлению государством, необходимым условием признавалось уравнивание в социально-политических и религиозных правах мусульман и русских. Так было положено начало политической самоорганизации российских мусульман.

Вместе с тем, и в системе национального образования происходят качественные и количественные изменения. Идеи джадидизма завоёвывают всё большую популярность среди татарского учительства²⁰. В целом, изменения затронули не только структуру и методы национального образования, но и его содержание: в учебных планах новометодных мектебе и медресе появились такие предметы как арифметика, правописание, устная беседа, черчение, рисование, пение, затем вводились алгебра, геометрия, физика, астрономия, философия. Для новометодных медресе были написаны десятки новых учебников и методических пособий.

Необходимым элементом происходивших в начале XX века положительных изменений в системе национального образования было появление и распространение учебных заведений не мусульманского, не религиозного типа, а совершенно новых, светских образовательных учреждений. Это — русско-татарские школы, реальные училища, представлявшие собой некую альтернативу мектебе и медресе при мечетях²¹. Преподавание всех предметов велось на национальном (родном) языке учащихся. Бурный рост промышленности, приобщение всё более широких слоёв татарского общества к новым, индустриальным формам производства, вызвало к жизни учебные заведения профессионально-технического образования. В 1911–1913 годах в Казани, Оренбурге, Самаре, Перми, Чите открылись профессиональные школы для татар, функционировавшие в основном при мусульманских благотворительных обществах²². Постоянно увеличивалось число молодых татар, обучавшихся в реальных и коммерческих училищах, в институтах и универ-

ситетах²³. В целом, можно сделать вывод, что первые десятилетия XX века были временем бурного развития всех сфер национальной татарской культуры, происходившим под определяющим влиянием процессов в общественно-политической жизни, связанных с вовлечением широких слоёв татарского общества в борьбу за демократизацию политического строя России, за демократическое разрешение национального вопроса.

После революции 1917 года, в 1920–1930 годы, а затем и в годы послевоенные значительно увеличилось число учебных заведений. Однако вновь преподавание в высших учебных заведениях и училищах велось на общегосударственном русском языке, что затрудняло поступление в них детей из школ, где преподавание велось только на татарском языке. Постепенно было введено двуязычие, особенно это касалось сельских школ, а затем, «по желанию родителей», изучение языка и вовсе стало сокращаться в связи с тем, что для поступления в ВУЗы татарский язык не требовался. Уменьшение использования татарами родного языка связано и с быстрой урбанизацией и миграцией сельских жителей в города. Новые переселенцы испытывали затруднения при овладении новой преимущественно русской городской культурой, нередко видя свои затруднения в отсталости татарского языка, стремились как бы отстраниться от него. Немалую роль в развитии таких тенденций в конце 1950 — начале 1960-х годов сыграли и идеологические установки правящей Коммунистической партии, поскольку широкое распространение получили представления о сближении всех наций и формировании новой исторической общности — советского народа; а в литературе и искусстве усиленно внедрялась формула: «социалистическая по содержанию, национальная по форме»²⁴. Эта идея создания новой «общности» с единым русским языком обучения привела фактически к отказу от поддержки развития национального образования. Несколько поколений людей воспитывалось вне родного языка и национальной культуры²⁵. В 1970–1980-е годы положение с национальным образованием ухудшилось: количество национальных школ уменьшилось с полутора до одной тысячи. В государственных учреждениях,

техникумах, ВУЗах использовался исключительно русский язык, область применения татарского языка постоянно сужалась, удельный вес татар среди студентов, аспирантов, учёных не превышал одной трети, что могло привести к потере народом своей национальной самобытности, а многие татары оказались в положении этнических маргиналов, людей, лишённых этнических корней и этнической идентичности, что шло параллельно с трудностями в социальной сфере. В связи с изменением политического статуса Татарстана (1991 год) расширились возможности получения специального, среднего и высшего образования на татарском языке. С 1989 года в Казанском государственном университете функционирует факультет татарской филологии, истории и восточных языков; открыты Татарский гуманитарный институт, татарские колледжи и лицеи. В педагогическом и технологическом университетах, в академиях сельскохозяйственной, ветеринарной и строительной созданы группы с преподаванием предметов на татарском языке. В ряде городов и районов Татарстана традиционного расселения татар возобновилось издание газет на татарском языке²⁶. Также регулярно проводятся праздники татарской культуры и искусства, повсеместно проводится Сабантуй.

В субъектах Российской Федерации создаются национально–культурные автономии татар, которые призваны духовно и организационно сплотить вокруг единого центра татарское население и создавать очаги национального образования и культуры, приглашая к сотрудничеству органы государственной власти и местного самоуправления для удовлетворения многообразных этнокультурных потребностей граждан, относящих себя к татарской этнической общности. В этой связи особенно актуальной стала проблема объективного прочтения национальной истории, поскольку татарский народ располагает всеми возможностями, чтобы занять достойное место в мировой цивилизации. Это сложная и трагическая история, являющаяся органической частью всемирно-исторического процесса, не раз становилась предметом искажений и прямых фальсификаций. Так, например, глубоко укоренилось в

массовом сознании теория татаро–монгольского ига, Улус Джучи рассматривался только как хищническое, паразитическое государство, а дастан «Идегей» — как псевдонародный эпос.

На страницах газет, журналов, в научных аудиториях, в конце 1980–х годов велись активные обсуждения проблем происхождения татар, истории их этнонима²⁷. Изменившиеся политические условия и желание общественности избавить татарскую историю от искажений способствовали появлению множества культурно-просветительских обществ, центров, объединений, клубов²⁸. С первых практических шагов по возрождению культуры республики этот процесс осуществлялся как возрождение культуры всех проживающих на её территории народов, которые также образовали ряд своих национальных обществ²⁹.

Недостатки в развитии культурных процессов во многом являются результатом длительно проводившейся политики псевдоинтернационализма, ограниченности возможностей республики рамками автономии. Вместе с тем, в 1990–е годы отчётливо проявилась тенденция возрождения прежнего духовного потенциала татарского народа. Являясь главным центром развития и совершенствования татарской культуры, Татарстан в то же время стал общим домом для многих других народов, поэтому в республике придаётся большое значение воссозданию интеллектуального и творческого потенциала всех населяющих его этносов. Такая политика отвечает необходимости формирования поликультурного общества, воспитания высоконравственного человека, духовно богатой личности. В последние годы в российском обществе наблюдалось возрождение интереса и доверия к религии. Особое место в современных духовных исканиях, направленных на выработку новой парадигмы национальной идентичности занимает ислам, наложивший глубокий отпечаток на духовный мир татар, на их образ жизни, культуру. Ислам сыграл немалую роль в сохранении национальной самобытности татар в период жёсткой имперской политики в отношении инородцев и иноверцев. В этот период (с конца шестнадцатого до середины восемнадцатого века) произошло

фактическое слияние мусульманской общины (уммы) и татарского крестьянского общества³⁰. Однако в дальнейшем, в силу ряда объективных факторов и условий, происходило разграничение двух сфер — религиозно–духовной и мирской, хозяйственно–культурной, во взаимоотношениях мусульманской мечети и татарского общества стали проявляться противоречия. Эти противоречия были вызваны происходившими в XIX столетии в татарском обществе процессами секуляризации, обмирщения, распространения научных знаний, которые мусульманским духовенством воспринимались как угроза для своего монопольного положения и в духовной, и в социально–культурной жизни татар. Мусульманская мечеть, как и православная церковь, оказалась также в стороне от движения передовых сил российского общества за политическую свободу, демократию, фактически избрав для себя роль защитницы самодержавия. Между названными силами татарского общества и мечетью в начале XX столетия возникло острое противоречие. Именно в этом стоит искать истоки глубокого кризиса российского ислама., который он пережил в первые десятилетия XX века.

За последние годы в местах компактного проживания татарского населения строятся и открываются мечети, растёт число имамов и верующих мусульман, в школах введён татарский язык, возрождаются национальные школы, пишутся книги на татарском языке, выпускаются учебники. Однако далеко не все проблемы татарской нации социально–культурного порядка в XXI веке должны решаться посредством ислама. Ислам не может претендовать и никогда более не займёт монопольного положения в татарском обществе. Семейно–брачные отношения, образование, культура будут развиваться, как и прежде, преимущественно на светской основе, как институты гражданского общества. На наш взгляд, не только иллюзорны, но и крайне вредны представления о возможности построения на исламской основе современного демократического государства. Вступая в XXI век, важной задачей татарского народа должно являться адекватное определение своих возможностей, оценка своих ресурсов для плавной интеграции в быстро меняющийся мир.

Стремление республики изменить свой государственный статус, добиться суверенитета определялось не только желанием обретения экономической самостоятельности. Процесс суверенизации был в значительной мере обусловлен и культурно–цивилизационным фактором. Как известно, исторически на территории современного Татарстана сложился многоэтнический состав населения³¹. Татарстан — общий дом многих этносов. Вместе с тем, это, главным образом, историческая родина татарского народа, оказавшегося разбросанным по десяткам стран и регионов, форма его государственности. Рамки автономии ограничивали возможности республики в развитии образования, науки, культуры, прежде всего национальной, не позволяли её выступать в качестве центра консолидации татарской нации. В плачевном состоянии оказался татарский язык, сфера функционирования которого резко сузилась (до революции в Поволжье он наряду с русским языком играл роль языка межнационального общения).

Таким образом, можно сказать, что у татарского народа настал период, когда к нему пришло понимание своего места в мире, осознание себя как полноценного народа, способного принять, а и в чём–то противостоять веяниям времени. Осознание переходности исторического времени пробудило рефлексивные тенденции в сознании личности и татарского общества, что проявляется и в повышении внимания к этнической идентификации, потребности личности ощущать себя представителем этнической группы, идёт процесс определения критериев и границ общности. На значимость этнической принадлежности влияют не только объективная социальная реальность («переходность» общества, этнические конфликты, миграции и т. п.), но и ряд субъективных факторов — например, уровень образования индивида, физические данные и проч. Значение этнической идентификации ситуативно. Как правило, этническое сознание групп и индивида не актуализировано при условии существования стабильных этнических отношений или в моноэтнической среде. Фактором, увеличивающим возможность этнических конфликтов и повышающим роль этнической идентификации, являются миграции; также

чувство этничности обычно выше у недоминирующих общностей. В этом смысле, в советское и даже в постсоветское время самосознание русского населения на территории России не являлось и не является значительным фактором обыденной жизни индивида. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты широко используемого «теста Куна», проведенного в России. Упоминание о «русскости» в местах, где русские доминировали, встречалось нечасто (однако постепенно наблюдается повышение роли этничности и во внутренней России), но ситуация менялась в иноэтничном окружении³².

О. Волкогонова выделяет три причины повышения роли этничности: во-первых, затянувшийся переход к другому типу социальной организации (реакцией на который является, как уже было сказано выше, обращение к традиционности и устойчивости), во-вторых, сепаратистские процессы в Российской Федерации (когда многие агрессивные националистические движения возлагают вину за ошибки в национальной политике не на власть, а на русских, делая из них «оккупантов», «нахлебников» и т. д.) и, в-третьих, направленное идеологическое воздействие.

Чрезвычайно важным представляется именно третий фактор, поскольку чувство этнического единения возникает не только стихийно (из сходного жизненного опыта, объективной общности «крови» и «почвы»), но и «конструируется» элитой, которая играет на вере в наличие неких естественных связей между членами этнической общности, значащих зачастую больше, чем реальное наличие этих связей. В этом смысле, именно идеологи декларируют единство на основе общей истории этноса, единой культуры, религии. В случае с татарским (как, собственно, и русским) этносом национальная идентичность эксплуатируется самим разными силами для достижения политических или иных корыстных целей. Эффективность идеологий, опирающихся на национально-этнические чувства несомненна, но опасна, поскольку «этничность» рано или поздно подомнёт под себя личность со всеми её приоритетами.

Разрушение привычных стереотипов привело к увеличению числа людей, выброшенных из нормальной жизни, поэтому идеологи, делающие ставку на национальные чувства для достижения тех или иных политических целей могут разбудить абсолютно непредсказуемую стихию национализма, тем более опасного, когда он является национализмом доминирующей нации (как это обстоит в Татарстане с татарами, в России с русскими и т. п.). Следовательно, попытки использовать национализм в политических целях могут привести к созданию мощного, влиятельного националистического движения, что чрезвычайно опасно в такой многонациональной стране как Россия. Для народов бывшего СССР, в том числе для татар, характерны три основные стадии национальной идентификации: 1. так называемая фаза этнодифференциации, когда происходит осознание особенностей своей общности, отличий «мы» от «они», т. е. происходит определение самоназвания, мифологизации прошлого общности; 2. в рамках данной фазы складываются представления о национальном характере, его «этноиндивидуальности»; 3. фаза формулирования национального идеала включает в себя оценку своего этноса, представление о его социально–исторических задачах и является интегративной, т. е. происходит своеобразный переход от этнической психологии к идеологии³³.

Сложная социально–политическая ситуация, сложившаяся в постсоветском обществе, неадекватно реализуемые политические свободы, мощное влияние западного ценностного стандарта привели к дезориентации российского общества. В обществе актуализировались проблемы этноконфессиональной идентичности, ценностного традиционализма и проч.

В этих условиях традиционные религиозные ценности смогли выступить в качестве объединительного фактора. Именно религиозные структуры оказались наиболее авторитетными социальными институтами в общественном сознании граждан России. Одновременно с ростом значения традиционных религиозных организаций обозначились негативные тенденции деструктивного влияния новых и нетрадиционных религиозных течений, обладающих

более значительными финансовыми ресурсами, чем традиционные религии в России. Многие из носителей традиционных религиозных ценностей (в том числе, священнослужители) оказались не готовы (в образовательном, информационном и психологическом отношении) к полемике с новыми деструктивными движениями. Кроме того, обострившиеся межэтнические и межконфессиональные отношения в некоторых регионах со сложным полиэтноконфессиональным ландшафтом выявили серьезную потребность государства в квалифицированных кадрах, которые могли бы работать в сфере церковно-государственных отношений. Эти обстоятельства вместе с очевидным ростом религиозности населения России (в том числе, молодежи) обусловили правомерность постановки вопроса о развитии структуры светского теологического образования. Так, например, для традиционных форм ислама в Татарстане ваххабизм оказался разрушителен. Люди среднего и старшего поколения оказались не готовы противостоять более образованной и организованной ваххабитски настроенной молодежи. Не малую роль играли и финансовые возможности приверженцев идей Абдель Ваххаба. По мнению А. Журавского³⁴, в этих условиях необходимо создать действующую альтернативу в форме светского теологического образования, традиционную направленность которого можно было бы контролировать и развивать, то есть работа по формированию светского исламского теологического образования является ещё и альтернативой конфессиональному образованию, что обусловлено необходимостью развития традиционных форм исламского богословия и альтернативных ваххабитскому форм исламского образования, так же следует поддерживать конструктивный традиционализм, в том числе через создание научно-образовательной альтернативы, в качестве которой А. Журавский предлагает учредить при Казанском государственном университете теологический факультет с двумя отделениями — исламским и православным; сформировать независимый научный центр по исследованию проблем исламо-христианского диалога, истории взаимоотношений христианства и ислама в Поволжском регионе.

В целом, уникальность этноконфессиональной ситуации ряда субъектов Федерации, входящих в Поволжский Федеральный Округ, создает перспективную базу для научных исследований в области этноконфессиональных отношений и их стабильности, а так же необходимость изучения влияния православного фактора на «мирный» характер регионального ислама. Подобное направление поддерживается и рядом представителей церковных иерархов и мусульманских лидеров, которые неоднократно обращались к Полномочному Представителю Президента РФ в Поволжском Федеральном округе с просьбой о необходимости подготовленных и образованных кадров, способных квалифицированно работать в области церковно-государственных отношений и эффективно противостоять экспансии деструктивных религиозных течений, поскольку система клерикальных школ не способна по целому ряду причин справиться с этой задачей. Высказываются мнения даже о формировании христианско-исламской конфессиональной системы, обладающей научными, теологическими, кадровыми и прочими интеллектуальными ресурсами противодействия деструктивным (сектантским, иностранным, нетрадиционным) течениям в исламе и христианстве; а также о воспитании научных кадров для исследования традиционных форм христианства и ислама, развития традиционной теологии и изучения позитивного опыта взаимодействия ислама и христианства на территории Поволжского Федерального Округа.

Следует сказать, что образовательная политика России по отношению к различным народам страны представляла собой определённую совокупность мер законодательного, административного, социально-культурного и педагогического характера, направленных на инкорпорацию нерусского населения многонациональной империи в общегосударственное пространство. Она осуществлялась посредством организации институтов школьного и внешкольного образования, призванных распространять элементарную грамотность, знание русского языка и православной культуры. Особое место в этой политике принадлежит христианизации нерусских подданных посредством рели-

гиозного воспитания. Основными институтами власти — субъектами национальной образовательной политики являлись Государственный совет, Святейший Синод, министерства народного просвещения и внутренних дел, а также местные государственные учреждения: попечительства учебных округов, дирекции и инспекции учебных заведений, светские и церковные училищные советы. За последние несколько лет, благодаря актуальности проблемы этноконфессиональной идентичности появилось несколько крайне интересных социологических и антропологических исследований, в которых поднимаются проблемы, разрабатываются концепции, которые могут быть полезными и для историков в их попытках реконструировать некогда существовавшие идентичности. Ярлыки, навешиваемые со стороны, относительно хорошо поддаются изучению; но внутреннее ощущение принадлежности — значительно более тонкая материя, а определить, как соотносятся эти два явления, еще труднее. Важную область исследований, несомненно, представляет собой национальная и конфессиональная идентичности; которым в последнее время уделялось много внимания со стороны социологов и историков, в том числе и зарубежных. Тем не менее, даже в разделенном на нации современном мире важную роль продолжают играть и другие разновидности культурной идентичности. Например, в Европе позднего Средневековья и начала Нового времени еще имели большой вес конкуренты национальной идентичности — региональная, этническая, городская, не говоря уже об идентичности половой, родовой, или же идентичности священнослужителя или дворянина. Часто идентичность сообществ определялась «от противного» и принимала форму отрицания обычаев «другого» — как в случае с гугенотами во Франции, чья идентичность в значительной мере основывалась на их неприятии католицизма. В подобных случаях решающее значение имеют границы — культурные, или, иначе говоря, символические. Идентичность, как правило, зависит от стереотипных представлений о себе, а также от стереотипных представлений о других — таких, как, например, протестантский стереотип католика, «паписта», или стереотипы мусульманина и

иудея в христианском сознании. Преувеличивая значение того, что отличает одно сообщество от других, идентичность основывается на том, что в знаменитой сентенции Фрейда некогда получило название «нарциссизма мелких различий». Тем не менее историку очевидно, что культурные идентичности должны представлять собой некие артефакты, процесс же формирования идентичности следует рассматривать как коллективное (непреднамеренное) конструирование. Сложность в том, что идентичности часто выглядят текущими, хрупкими; одни и те же люди часто по-разному представляются в различных ситуациях. Соотносительное значение этих многочисленных идентичностей для отдельных личностей и групп, их приоритеты, иными словами, иерархия идентичностей, — это сложный вопрос, который недостаточно глубоко разработан ни историками, ни социологами, ни культурологами. Другой проблемой является изучение способа проявления идентичности, как выражались эти идентичности явно или конструировались опосредованно, через язык или ритуал. Исторические свидетельства не позволяют предположить, что коллективная идентичность может быть изобретена или сконструирована по чьему-либо произволу. Некоторые попытки такого конструирования оказываются удачны, другие терпят поражение. Кроме того, идентичность «воплощается» в таких опосредующих формах, как ритуал, миф и материальная культура. Что касается мифа, то лежащими на поверхности примерами подобного опосредования идентичности являются повествования о происхождении данного конкретного сообщества. Ритуалы также могут способствовать определению границ групповой идентичности — не только за счёт исключения посторонних, но также и за счёт символических нападков на врагов сообщества (во всём виноваты русские). Что же касается материальной культуры, то и отказ от свинины у мусульман, гостеприимство русских и проч. является подтверждением носителя своего отличия от других, иными словами, как опознавательный знак идентичности. Другой фактор, который не следует упускать из виду при изучении коллективной идентичности, — это то, что можно назвать «социальной памятью», образ группового прошло-

го, общего для членов группы, то есть кто мы есть, зависит от того, кем мы были в прошлом. Наличие у группы только её истории и сообщает группе собственную идентичность. Одним из важнейших признаков коллективной идентичности является язык. Говорить на том же языке, что и окружающие тебя люди — есть эффективный способ проявить солидарность; говорить на другом языке — один из способов противопоставить себя другим личностям или группам³⁵. Чрезвычайно важным представляется то, что чувство этнического единения возникает не только стихийно (из сходного жизненного опыта, объективной общности «крови» и «почвы»), но и формируется целенаправленно. Необходимо признать, что вера в наличие неких естественных связей между членами этнической общности значит больше, чем реальное наличие этих связей. В этом смысле, именно идеологи декларируют единство на основе общей истории этноса, единой культуры, религии и т. д. В случае с татарским этносом национальная идентичность используется как инструмент для политической «мобилизации» самыми разными силами. В результате этнос консолидируется через самоутверждение и проповедь исключительности³⁶. Солидарность на этой почве может стать катализатором социальной активности, поэтому нередко попытки использовать национализм в «смеси» с коммунизмом, фашизмом, монархизмом, клерикализмом, демократией и даже либерализмом. Национализм, используемый в контексте борьбы порядка против хаоса, осознанно вносится в жизнь людьми, объединенными надличной целью (возрождением татарской/русской нации, например). Такая надличная цель обеспечивает не только единение человека с другими людьми, но и придает смысл его индивидуальному существованию.

Спецификой татаро-исламского национализма, который пытаются использовать в политических целях и который проповедают местные «национал-патриоты», является его опора на этничность. Если воспользоваться классификацией типов национализма, предложенной американской исследовательницей Л. Гринфелд, то татаро-исламский национализм будет, преимущественно, относиться к коллективистскому этническому типу, поэтому усло-

вием его формирования является этническая (национальная) идентификация индивида. Выделение своего этноса из ряда других всегда сопровождается выработкой определенных вербальных и невербальных стереотипов: установление общих этнонима, территории, языка, прошлого, будущих задач и т. д. приводит к восприятию индивидов себя как части целого, а свойственная целому символика принимается как обязательная для индивида, как то: цвета одежды, нормы речевого этикета, украшения, жесты, мимика и проч. Самосознание общности можно рассматривать как одну из самых существенных детерминант этноса. Завершающей же стадией этнического самосознания, является идеал, то есть когда происходит своеобразный переход от этнической психологии к идеологии, поскольку предвидение будущего и выработка идеала неотъемлемо входит в задачи любого идеологического построения. Что касается национальной идеологии, то её специфической задачей является формулировка долгосрочных, «стратегических» целей нации, ее исторической роли, и, в соответствии с ними, выдвижение конкретных лозунгов дня. Сознательная дифференциация этноса от других чревата не только двойным стандартом в оценке «своих» и «чужих», но и формированием «образа врага», что ведет к росту агрессивности в массовом сознании.

Постсоветская Россия — общество с очень непоследовательной и хаотичной политикой и с не менее запутанным идеологическим обоснованием этой политики. Наверное, единственной более или менее постоянной её составляющей является включение в её состав национальных лозунгов. В большей степени это свойственно для «национальных окраин», этнических меньшинств на территории РФ, но тенденция усиления национального элемента может быть прослежена и в идеологическом обосновании государственной политики на федеральном уровне. Так, например, когда В. Путин провозгласил, что Россия будет либо великой, либо её не будет вообще, то риторика, используемая Президентом, наверняка вызвала реакцию «узнавания» у многих русских националистически настроенных групп.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. исследование: *Абдрахманов Р., Маврина Э.* Модель этнического мониторинга. Контакты и стереотипы.

² Вообще, христианизация, один из аспектов внутренней политики царизма, активно начатая Иваном IV в 1555 при учреждении Казанской епархии. Основной целью христианизации было создание из новокрещёных опоры центральной власти в провинциях многонациональной России. На первых порах христианство принимали служилые татары, чуваша, мордва, мари. Крещение частью было добровольным и сопровождалось предоставлением налоговых льгот. Соборное Уложение 1649 года ужесточило политику христианизации введя смертную казнь за пропаганду ислама и конфискацию поместий у некрещёных феодалов. Согласно указам 1680 – 1681 годов, феодалы–мусульмане за крещение получали княжеский титул и высокий придворный чин стольника. Кроме того, полагалось шестилетнее освобождение от воинской службы, а для крепостного нерусского населения – освобождение от государственной податей и повинностей. За отказ креститься феодалы лишались вотчинных земель, а свободные общинники закрепощались.

³ Подробно см.: *Абдрахманов Р., Маврина Э.* Модель этнического мониторинга. Контакты и стереотипы.

⁴ *Исхакова Н.Е.* Православная церковь и образование в российской провинции // Гражданское общество, государственная власть и местное самоуправление/ Межрегиональная научно–практическая конференция.– Казань, 2001. С.364–367.

⁵ Так, например, в ходе обсуждения вопроса об инородческом образовании в 1868 году выяснилось, что в своих постановлениях и указах Петербурге исходили из того, что татары, в основном, хорошо владеют русским языком и на этом основании не понимали необходимости создания специальных татарских училищ.

⁶ *Мальшева О.Л.* Ислам и становление гражданского общества в РТ // Гражданское общество, государственная власть и местное самоуправление/ Межрегиональная научно–практическая конференция.– Казань, 2001. С.111–114.

⁷ *Сагитова Л.В.* к.с.н., с.н.с. Института истории АНТ.

⁸ Предметом особого беспокойства федеральных властей является сейчас наметившееся противодействие со стороны ряда региональных национальных «отрядов» интеллигенции, выступающих за конфедеративное устройство России. Опасность заключается в том, что растёт количество сил, идентифицирующих себя с людьми своей нации и вновь заявляют о своих претензиях на руководство политическими движениями. См.: «Звезда Поволжья».– Казань, 2001. 8–14 февраля.

⁹ См.: *Абдрахманов Р., Э. Маврина.* Модель этнического мониторинга. Контакты и стереотипы.

¹⁰ См. исследование: *Р. Абдрахманова, Э. Мавриной* Модель этнического мониторинга. Контакты и стереотипы.

¹¹ Характерные для этого периода субсословия служилых татар, ясачных крестьян, лашманов, а также институты татарского городского самоуправления как, например, Татарская Ратуша в Татарской слободе Казани, исчезают ко второй половине XIX века в связи с реформами и репрессивными мероприятиями правительства. Сословная автономность татар постепенно теряет свое конституирующее значение для их самосознания. Так унификация крестьянских состояний в ходе реформы 1861 года означала окончание трехсотлетнего процесса социальной интеграции татарских крестьян. Несколько дольше длился этот процесс среди городских сословий: реформа городского управления состоялась в 1870 г., военная в 1874 г., а отмена подушной подати у мещан произошла в 1883 г.

¹² Так, например, в 1821 году некий М.Ниязов пытался открыть в Астрахани подобное училище, но потерпел неудачу из-за сопротивления местного духовенства.

¹³ За 1891–1900 годы численность отходников составила сто сорок восемь тысяч человек. Многие уехали из родных мест на Урал, Донбасс, Баку и др. К началу XX века численность рабочих–татар по всей России достигла уже ста пятидесяти тысяч человек.

¹⁴ Ею были основаны десятки акционерных обществ и торговых домов (например, «Волжско–Илецкое стекольное товарищество»). В целом, к 1890 году татарские предприниматели имели в собственности в европейской части России семьдесят шесть промышленных предприятий, к 1813 году их насчитывалось сто сорок одна тысяча.

¹⁵ По данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, из татар на государственной и административной службе находилось 2912 человек, из башкир – 139. Лиц занимающихся юридической практикой (татары и башкиры вместе) – 79. Наукой, литературой искусством было занято 134 представителя этих национальностей, педагогической деятельностью – 2395 человек. Около двух тысяч татар и башкир работали в земских и муниципальных учреждениях. Численность врачей и других медицинских работников чуть превышала одну тысячу.

¹⁶ Лишь в двух этнотерриториальных группах татарского населения – оренбургской и астраханской – сельское хозяйство перестало быть главным занятием. Здесь большой удельный вес имели такие занятия как торговля, переработка, услуги.

¹⁷ Первым татарским политическим деятелем считается Габдрашид Ибрагимов (1857–1944), выходец из семьи купца города Тара (Западная Сибирь), получил образование в одном из знаменитых казанских медресе «Кышкар», а в 1871–1882 годах жил и учился в Саудовской Аравии и Турции. По возвращении на родину, открыл одно из первых в России новометодных медресе.

¹⁸ Например, работа «Чулпан йолдыз» Рашит–казыя Ибрагимова.

¹⁹ Имели место случаи, когда местные власти пытались посорить бунтующих русских и татарских крестьян, рассылая листовки, где для татар говорилось, что русские их заклятые враги и всегда только вредят татарам и наоборот. Выходившая с августа 1905 года нелегальная газета «Хоррият» («Свобода») заметила по этому поводу, что «...уже глупые люди из числа русских и татар начали готовиться к боевым действиям». Газету выпускали революционно настроенные учащиеся Казанской татарской учительской школы; газету писали в ручную, размножали на гектографе; вышло всего два номера – в августе и сентябре 1905 года.

²⁰ В 1905–1907 годах девяносто процентов всех медресе и мектебе Казанской губернии работали на основе нового метода.

²¹ Первая русско–татарская школа появилась в Казани в 1872 году при активном участии Каюма Насыри; в 1907 году русско–татарская школа открылась в Саратове – основателем, директором и почти единственным учителем был Бурганутдин Сулейманович Юскаев, приехавший в Саратов после окончания Казанской учительской школы.

²² В ряде случаев создавались школы и курсы для девочек. Так, при Оренбургском мусульманском благотворительном обществе в 1912 году открылась школа кройки и шитья, организованная первой женщиной–врачом из татар Разиёй Сулеймановой.

²³ К 1910 году было уже 200 татар, получивших высшее образование, а 20 из них учились в Западной Европе. В 1880 году татар с высшим образованием было 12 человек.

²⁴ Рашитов Ф.А. История татарского народа. – Саратов, 2001. – 288 с.

²⁵ К 1990 году из более чем 200 школ Казани лишь одна была татарской, на родном языке обучалось лишь 20 процентов учащихся татар, за пределами республики, где проживает 75 процентов татар дело обстояло ещё хуже. Так на родном языке обучалось только 7 процентов татар, проживавших в Башкирии, Чувашии и Пермской области.

²⁶ Например, газеты «Идел» (Астрахань), «Бердэмлек» (Самара), «Умид» (Ульяновск).

²⁷ В связи с этим возникла дискуссия на тему «Булгары мы или татары?»: появились «булгаристы», которыми была возрождена идея переименования татар в булгар. В 1988 году они образовали общество «Булгар–аль–Джадид» («Любителей булгарской истории»). Однако их деятельность не нашла широкой поддержки общественности, поскольку посчитали, что их идея не просто ошибочная, а вредна для консолидации татарского народа. В целом татары – это многокомпонентное этническое образование, с исторически сложившимся и устоявшимся этнонимом. По мнению ряда исследователей, этнические группы современных татар образовались от взаимодействия булгар с половцами, другими тюрками, славянами, угро–финнами.

²⁸ Одним из первых в 1988 году было образовано общество имени Ш. Марджани, поставившее своей целью культурно–просветительскую деятельность.

²⁹ За последние несколько лет стало уделяться гораздо больше внимания и национальному образованию, культуре, татарской истории. К проблемам последней стоит отнести этногенез татарского народа, место и роль ислама в татарском обществе и государстве на разных этапах исторического развития, борьба татар за социокультурное выживание в Российском государстве, просветительство и исламская реформация среди татар в конце XVIII–XIX веках, распространение и влияние среди татар идей панисламизма и пантюркизма, формирование и развитие этнотерриториальных групп татарской нации, татарская эмиграция начала XX века и др.

³⁰ Каплуновский А. Татары – мусульмане и русские в мещанских общинах Среднего Поволжья в конце 19 – начале 20 века.

³¹ Здесь проживают представители 107 национальностей. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года татары среди них составляли 48,5 процента, русские – 43,3 процента.

³² Волкогонова О, Татаренко И. Этническая идентификация и искушение национализмом.

³³ Градация взята – Волкогонова О, Татаренко И.

³⁴ Журавский А., проректор Казанской Духовной Семинарии, кандидат исторических наук и богословия.

³⁵ См.: Бёрк П. Адрес сайта: www.roi.ru/magazine/nlo/n36/berk.htm.

³⁶ См., например: Солдатова Г.У. Психологическое исследование этнической идентичности. // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов. — М., 1994. С.70–71.